

Вхождение российских регионов в эпоху системных трансформаций 1990-х гг.: оценки зарубежных аналитиков

Елена Николаевна Чернолуцкая,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: chvalery@mail.ru

В статье рассматриваются условия, подходы и основные результаты изучения зарубежными исследователями региональной специфики начального этапа реализации постсоветских системных реформ в России. Автор обращает внимание на то, что в 1990-е гг. иностранные аналитики данной сферы оказались в более выгодной позиции, чем российские, имея солидный теоретико-методологический опыт анализа рыночных отношений и мощную материальную поддержку от своих правительств и заинтересованных структур. Кроме того, значимым фактором была широкая открытость России, а также непосредственное участие иностранных исследователей в стратегическом консультировании при проведении реформ. В результате зарубежная историография данной проблемы накопила значительный пласт трудов, среди которых выделяются публикации американских (А. Шлейфер, Р. Вишни, Дж. Блази, М. Голдман, А. Вакру и др.) и британских (Ф. Хэнсон, М. Брэдшоу, П. Киркоу и др.) авторов. Наиболее изучаемыми аспектами были экономические режимы, трансформация ветвей власти, выборы, приватизация. В статье показано понимание исследователями объективных и субъективных факторов региональных различий в характере, скорости и интенсивности реформирования. Особое внимание уделено оценке роли региональной элиты в этом процессе, динамике конфигурации политических сил, лежащей в основе формирования новых институтов власти, с акцентом на дальневосточных регионах. В этом контексте выявлен значительный интерес аналитиков к Приморскому краю как примеру сложившегося в 1990-е гг. авторитарного режима губернаторской власти.

Ключевые слова: российские регионы, Дальний Восток России, системные реформы 1990-х гг., зарубежная историография.

The Entry of Russian Regions into the Era of Systemic Transformations of the 1990s: Estimates of Foreign Analysts.

Elena Chernolutskaia, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok. Russia. E-mail: chvalery@mail.ru.

The article discusses the conditions, approaches and main results of the foreign research on the regional specificity of the initial stage of implementation of

post-Soviet systemic reforms in Russia. The author draws attention to the fact that in the 1990^s, foreign analysts studying this field were in a better position than Russian ones because the former had solid theoretical and methodological experience in analyzing market relations and strong material support from their governments and concerned structures. Moreover, wide openness of Russia as well as the participation of foreign researchers in strategic consulting about reforms was an important factor. As a result, the foreign historiography of this issue has accumulated a significant number of works, among which are the publications of American (A. Schleifer, R. Vishny, G. Blasi, M. Goldman, A. Vacroux, etc.) and British authors (F. Hanson, M. Bradshaw, P. Kirkov, etc.). The following aspects were mostly studied: economic regimes, transformation of branches of power, elections, privatization. The article shows the researchers' understanding of objective and subjective factors of regional differences in the nature, speed and intensity of reforms. Special attention is paid to the assessment of the role of the regional elite in this process, the dynamics of the configuration of political forces underlying the formation of new institutions of power with an emphasis on the Far Eastern regions. In this context, a significant interest of analysts was revealed toward the Primorsky Region as an example of the authoritarian regime of the Governor's power established in the 1990^s.

Keywords: Russian regions, the Russian Far East, systemic reforms of the 1990^s, foreign historiography.

Крах системы социализма и начало кардинальных системных реформ в постсоветских государствах обусловили высокую активность западных исследователей. В научных центрах Европы, Америки, Азии создавались специальные группы и разрабатывались исследовательские проекты, которые щедро финансировались правительствами и заинтересованными структурами. Например, под эгидой Департамента Европы и Центральной Азии Всемирного банка в 1990-е гг. было опубликовано более 20 сборников статей в серии «Исследования экономик в трансформации» [10; 20 и др.]. Аналитиков интересовали не только общие закономерности процесса посткоммунистических преобразований, но и — в большей степени — конкретные их проявления на уровне отдельных стран. Что касается России, то её территориальная обширность и разнообразие предопределили необходимость внутрирегиональных сравнений. В 1990-е гг. российская пореформенная регионалистика стала одним из новых трендов мировой экономики, политологии, обществознания [2; 5; 9; 12; 13 и др.].

В данной статье ставится цель определить характерные черты зарубежной аналитики в указанной предметной области на этапе 1990-х гг. Мы считаем важным рассмотреть, во-первых, условия накопления научных знаний, во-вторых, основные содержательные достижения западной историографии, включая набор аспектов, теоретико-методологические подходы и выводы, по мере возможности уделяя особое внимание материалу по Дальнему Востоку.

В обозначенный период зарубежные учёные во многих отношениях оказались в более выгодной позиции, чем российские. Последние пребывали в состоянии мировоззренческого шока и не могли адекватно оценивать совершенно новые для страны процессы. К тому же у находившегося в глубоком кризисе государства не было финансовых ресурсов, чтобы оплачивать научные изыскания. Иностранцы же исследователи, напротив, обладали основательным теоретико-методологическим опытом анализа рыночных отношений и мощной материальной поддержкой, которая имела очевидные прагматические цели. Не менее важным являлось то, что после долгого периода закрытости наша страна распахнула двери для представителей зарубежного научного сообщества. Часть из них оказалась не только внешними наблюдателями, но и участниками преобразований, став консультантами и советниками при неискущённых отечественных реформаторах и благодаря этому получив приоритетный доступ к информационным ресурсам.

Особую роль в данном процессе сыграл Институт международного развития Гарвардского университета (США). Широко известен руководитель группы экономических советников при президенте России Б. Ельцине — профессор Дж. Сакс, его коллеги А. Ослунд и Д. Липтон, ставшие разработчиками и проводниками «шоковой терапии». Другая «группа стратегических консультантов» из этого же Института во главе с А. Шлейфером напрямую работала с чиновниками высшего ранга, ответственными за приватизацию, А. Чубайсом и Д. Васильевым. Советники реализовывали проект по реформированию российской экономики и практически распорядились огромным пакетом экономической помощи США, не брезгуя и финансовыми злоупотреблениями [3 и др.].

Кроме того, А. Шлейфер и Дж. Блази были соруководителями базировавшейся в Москве исследовательской группы, финансируемой Фондом Евразии (Вашингтон). Её задача состояла в предоставлении западным консультантам и российским руководителям «объективной информации о трансформации российской экономики». С 1992 по 1996 г. эти аналитики осуществляли беспрецедентное непрерывное исследование приватизации в России, еженедельно выезжая в разные регионы страны (не добрались они только до дальневосточных и северокавказских территорий), чтобы провести подробные опросы региональных чиновников и хозяйственников, охватив более 800 крупных предприятий. Итоги работы они подвели в монографии «Кремлёвский капитализм: приватизация российской экономики» (1997) [7]. Ещё ранее А. Шлейфер с соавторами опубликовал одну из первых статей о приватизации в России, основными источниками для которой послужили неопубликованные документы российских учреждений [8].

Многие такие деятели впоследствии сделали блестящую научную карьеру у себя на родине. Так, А. Вакру, прожившая в Москве более 10 лет, была сначала советником при Госкомимущество РФ, затем стала президентом американской брокерской компании и членом правления благотворительной организации. Она также работала научным сотрудником в российском Центре экономических и финансовых исследований. Вернувшись в США,

Вакру опубликовала ряд работ и защитила диссертацию в Университете Гарварда по промышленной приватизации в регионах России. Сейчас она — исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса, преподаватель Гарвардского университета [4; 20, p. 252].

Но и те учёные, которые не являлись советниками и в своих исследованиях опирались большей частью на публикации в СМИ, также имели возможность проводить масштабную работу по сбору полевого материала в российских регионах. Например, представители Университета Содружества Вирджинии Л.Д. Нельсон и И.Ю. Кузес при поддержке правительственных грантов США изучали реализацию экономической реформы в Свердловской, Воронежской, Смоленской областях и Республике Татарстан. Они собрали данные о нескольких видах экономической и политической деятельности в этих регионах, опросили более 12 тыс. чел. — политических лидеров, чиновников, журналистов, руководителей предприятий и «обычных людей» [19, p. 5, 6, 16].

Из представителей других стран стоит отметить сотрудников Университета Бирмингема (Великобритания) М. Брэдшоу, Ф. Хэнсона, П. Киркоу, которые в середине 1990-х гг. изучали региональные особенности экономических изменений в России, получив грант от Совета британских экономических и социальных исследований. Результатом стала публикация статей и монографий, а также специального выпуска журнала «Communist Economies and Economic Transformation» [9; 13; 14 и др.].

В ряде случаев к таким работам привлекались и учёные из российских регионов. Например, в начале 1990-х гг. совместную программу «О возможности реконструкции трудовых организаций в крупных промышленных предприятиях на Дальнем Востоке России», которая финансировалась Министерством образования Японии, выполняли сотрудники Университета Мэйдзи (Токио) под руководством С. Арамата и их коллеги из Института экономики ДВО РАН (Хабаровск) с участием П.А. Минакира и др. [15].

И таких примеров множество. В сферу анализа попали Москва, Санкт-Петербург, Омск, Томск, Новосибирск, Ярославль, Тюмень Самара и другие российские города. Как видим, территориальный разброс достаточно широк. К сожалению, дальневосточные края и области оказались на периферии подобных исследований, и здесь можно назвать лишь единичные примеры. В целом зарубежная библиография 1990-х гг. о трансформационных процессах в регионах России накопила длинный список публикаций различного формата, чего не скажешь об отечественных достижениях в данной сфере.

В трудах западных коллег прослеживается три подхода к исследованию региональной специфики: выявление общего по стране спектра различий на основе макроэкономических и политических индикаторов; изучение отдельных краёв, областей или республик; сравнительный анализ двух или более регионов. Наиболее изучаемыми аспектами были экономические режимы, трансформация ветвей власти, выборы, приватизация. Учитывая ограничения формата статьи, мы остановимся лишь на некоторых из этих проблем.

Вскрывая предпосылки региональных различий в реализации системных реформ, авторы выделяют объективные и субъективные факторы. Ф. Хэнсон к первым относит «географические» — наличие или отсутствие природных ресурсов, степень концентрации экономической деятельности, экономическое неравенство регионов. На основе соотношения среднего дохода и прожиточного минимума он определил, что в середине 1990-х гг. богатыми можно было считать Москву, Тюменскую область и Санкт-Петербург, в то время как к бедным относилось множество более мелких территорий. В отношении дальневосточных регионов — Магаданской, Камчатской, Сахалинской областей и Республики Саха (Якутия) — он выявил самую высокую по стране стоимость прожиточного минимума в 1998 г., более чем вдвое превышавшую среднероссийский показатель. Всё это, как пишет автор, приводило к тому, что региональные интересы в отношении радикальных экономических изменений сильно расходились, поскольку последние приносили пользу одним, но были крайне разрушительны для других. Из политических инструментов региональных администраций, влиявших на формирование в своих регионах различных экономических режимов, в середине 1990-х гг. наиболее значительно различались темпы осуществления малой приватизации, интенсивность контроля над ценами и иностранные инвестиции [2, с. 78—82].

Другая группа факторов региональной дифференциации была обусловлена административным и финансовым устройством страны. Здесь чаще всего называют ассиметричную федеративную систему [11; 26 и др.] и неразбериху в бюджетной и налоговой системах, которые заставляли регионы искать свои модели торга с Центром за дефицитные бюджетные транши, налоговые льготы, контроль над местными ресурсами [23, р. 47—80 и др.].

Политическую сферу, как правило, аналитики рассматривали на основе институционального подхода, теорий элит и электорального поведения [12; 13; 18; 21; 27 и др.]. Региональные сравнительные исследования выявили общие для большинства территорий характеристики: размытость институциональных структур, плохую слаженность национальных партий и их низкое представительство на местах, маргинальную роль профсоюзов, апатию электората, возраставшую по мере разочарования реформами. Отсюда исследователи приходили к важному для западного сообщества выводу: слабость демократических сил не могла создать основ для «становления горизонтальной сети гражданского участия и эффективной демократической самоорганизации институтов» [16, р. 57, 87, 114; 17, р. 10].

Такое же заключение делалось относительно подготовленности общества к изменению форм собственности. Ш. Като (Университет Мэйдзи, Япония), изучавшая ход приватизации в Хабаровском крае в 1993 г., приводит данные соцопроса. Он показал, что только 4,7% респондентов знали, как действительно должна идти приватизация, две трети имели лишь общие представления об этом, а 23% были в абсолютном неведении. Более 90% работающих не слышали ничего о вариантах приватизации. И только благодаря опросу многие впервые узнали о сущности приватизации, её этапах

и возможных вариантах. Даже среди менеджеров и специалистов предприятий менее половины знали об этом в деталях [15, р. 35].

Во многих публикациях отмечается, что в этих условиях большое влияние на скорость и интенсивность трансформационных процессов имел субъективный фактор — региональные элиты, степень приятия ими реформ, насаждаемых «сверху». Последние шли быстрее там, где уже на старте произошли крупные кадровые изменения и к власти пришли лидеры, решительно настроенные на перемены, привлекавшие местных интеллектуалов и международных советников для проведения рыночных экспериментов и демократических преобразований [16, р. 52 и др.].

Такие примеры авторы обнаруживали в Москве, Санкт-Петербурге, Волгоградской, Самарской областях и некоторых других регионах [17, р. 208—238; 2, с. 85 и др.], но особенно выделяли Нижегородскую область с её губернатором Б. Немцовым. Дж. Вурхис назвал последнюю «выдающимся примером», «исключительной [областью — Е.Ч.] по степени продвижения реформы и в своём стремлении стать национальной моделью реформ» [26, р. 552]. Р.М. Десай и И. Гольдберг давали ей такую оценку: «Новгородская область России — редкий положительный пример того, что могут сделать региональные власти в сегодняшней России. Ей удалось привлечь больше прямых иностранных инвестиций, чем практически любому другому российскому региону, в том числе близлежащему Санкт-Петербургу, путём устранения волокиты, облегчения доступа к земле и предоставления налоговых каникул инвесторам. В результате с 1995 г. в регионе наблюдается экономический рост, и более половины промышленной продукции поступает от производительных иностранных компаний» [10, р. 238].

Однако, по единодушному мнению аналитиков, большинство региональных руководителей составляли другую группу — выходцев из бывшей советской номенклатуры или её ставленников, тесно связанных с хозяйственниками. Они сопротивлялись развитию свободного рынка, считая необходимым участие Центра в управлении экономиками своих территорий, защиту местных производителей и противостояние внешнему капиталу [2; 14; 17 и др.], хотя ряд авторов, в частности Дж.У. Хан, отмечали, что борьба велась не вокруг реформы как таковой, а вокруг того, кто будет её контролировать и какие выгоды от этого получит [12, р. 231].

В своих case-study исследователи показали, что конфигурация политических сил в регионах не была застывшей, постоянно шло всё более тесное переплетение политики и экономики. Например, в Москве образовалась комбинация из бывшей партноменклатуры и новых чиновников, пришедших к власти на демократической волне. Они опирались на мощную сеть банков, СМИ, политических партий и депутатов. Одновременно во всех регионах шла «коммерциализация номенклатуры»: она проникала в новые бизнес-структуры и в своих интересах подталкивала переход государственной собственности в частную. Во власть внедрялись криминальные круги, организуя назначение своих деловых партнёров на руководящие должности и обеспечивая себе преференции. В этом контексте назывались Брянская, Смоленская и другие области [19, р. 13—14 и др.].

Не являлись исключением и дальневосточники. В публикациях приводятся, например, такие факты. Губернатор Сахалинской области Е. Краснояров (1993—1995) в 1993 г. перевёл 10 млн руб. из областного бюджета как собственную долю члена-учредителя нового коммерческого банка, а в учредительный документ был включён пункт о том, что ежегодно из областного бюджета этому банку должны перечисляться 1 млрд руб. и 2,5 млн долл. [16, р. 52—53]. Губернатор Чукотского автономного округа А. Назаров (1991—2000) расхищал бюджетные средства и федеральные «золотые кредиты», предоставленные для восстановления местной золотодобывающей промышленности, в то время как округ был самым депрессивным из всех субъектов страны [23, р. 142—143].

Но особенно часто скандальные события связывают с Приморским краем, где сплетение власти с криминальным миром отмечалось на всех уровнях (подробнее см. ниже). Так, П. Киркоу назвал приморский город Находку «особенно ярким примером того, как власти в российских регионах своими руками сделали заложниками преступного мира с тех пор, как местные чиновники наняли банды для борьбы с воспринимаемой угрозой расширения бизнеса, принадлежащего кавказцам» [16, р. 117].

Региональная компаративистика выявляла на территориях специфику деятельности новых институтов власти. К. Стоунер-Вайс (Университет Айовы, США), опираясь на теории демократизации и свои полевые исследования в Нижегородской, Тюменской, Ярославской и Саратовской областях, определяла степень влияния политической экономики регионов на коалицию элит и эффективность управления в 1990—1993 гг., когда было необходимо очень быстро реформировать административную сферу. В монографии «Местные герои: Политическая экономия российского регионального управления» (1997) автор даёт подробную характеристику политико-экономических изменений в каждом из четырёх субъектов при переходе от советского к раннему постсоветскому периоду и применяет более десятка показателей результативности принятых решений и оперативности реагирования местных правительств на вызовы времени. В результате полученного таким способом рейтинга областей на первом месте оказался Нижний Новгород, за ним очень близко — Тюмень и с большим отрывом от них — Ярославль и Саратов как самые неэффективные по управлению. Этот анализ привёл Стоунер-Вайс к выводу: чем более концентрирована региональная экономика, тем более консолидированными были экономические и политические элиты, что повышало эффективность работы местных властей. Однако эта закономерность обеспокоила автора, так как западные демократические теории считают более предпочтительным для развития внутриэлитную конкуренцию, а не корпоративизм [22].

Значительный интерес для нас представляет обширное сравнительное исследование Алтайского и Приморского краёв, проведённое П. Киркоу (Великобритания) [16]. Позволим себе остановиться на этой работе подробнее, дополнив её анализом процесса приватизации в Приморском крае, данным в статье А. Вакру [25]. Обе работы, несмотря на разность форматов, нацелены на раскрытие трансформации институтов власти и региональных

политических элит, влияния этих процессов на скорость и интенсивность рыночных реформ. П. Киркоу исходит из того, что унаследованная от советского времени промышленная структура обоих краёв была схожа: в ней значительную долю составляли добыча природных ресурсов и военно-промышленный комплекс, пришедший к упадку в результате потери централизованного распределения средств и заказов. Но в экономике Алтайского края существенную роль играл также аграрный сектор, а Приморский край имел преимущество географического положения, дававшего ему возможность выхода на рынки АТР, а также давления на Центр с учётом своего стратегического значения.

Эти стартовые условия отразились на формировании и дальнейшей эволюции региональной элиты. Исследователь показывает, что первые губернаторы Приморского (В. Кузнецов) и Алтайского (В. Райфикешт) краёв, пришедшие во власть в 1991 г. на волне демократического подъёма, являлись «восторженными» сторонниками реформ и отзывчивыми к политике Москвы. Именно с их деятельностью П. Киркоу и А. Вакру связывают быстрый темп ваучерных аукционов, хотя Приморье несколько отставало от Алтайского края [16, р. 86—89, 114, 142—145; 25, р. 37]. Однако главенство «демократов» в исполнительных органах создало тупик во взаимоотношениях с законодательной властью, где доминировали «традиционалисты». В 1993—1994 гг. первые губернаторы оставили свои посты, что привело к изменениям в расстановке сил, специфичным для каждого из регионов.

В Алтайском крае произошло оживление и укрепление номенклатурной власти. Пост губернатора перешёл сначала к представителю «прагматической номенклатуры», бывшему промышленному руководителю Л. Коршунову (1994—1996). Изначально он был настроен на радикальные реформы, но позже занял более популистскую позицию, используя протекционистский подход и компромисс с «консервативной номенклатурой», которая вместе с аграрным лобби доминировала в местных законодательных органах. Следующим губернатором стал ставленник традиционалистов А. Суриков (1996—2004), лидер краевой организации Коммунистической партии, бывший председатель краевого совета. Политические цели этого слоя включали контроль исполнительной власти, прекращение приватизации и свободной продажи земли, контроль цен на энергоносители и продукты питания, получение льготных кредитов и трансфертов.

Близка к ним была «аграрная номенклатура», которую возглавлял А. Назарчук, председатель краевого Агропромсоюза (1991—1993), министр сельского хозяйства РФ (1994—1996), председатель краевого Совета народных депутатов (с 1996 г.). Аграрники выступали за частичное бюджетное финансирование АПК, создание продовольственных и инвестиционных фондов и связанных с ними полугосударственных корпоративных структур, прекращение приватизации обрабатывающих производств.

Анализируя дальнейшую трансформацию власти, П. Киркоу отмечает: позиции традиционалистской номенклатуры укрепились с принятием Законодательным Собранием собственного закона «О приватизации» (1994) и Устава Алтайского края (1995), что стало вызовом реформаторскому

курсу «сверху». Например, вышеназванный закон означал переход от массовой ваучерной приватизации, насаждаемой Центром, к специфическому региональному подходу, в котором краевые власти хотели иметь большее влияние. Закон обязывал согласовывать приватизацию предприятий между рабочими коллективами, исполнительной и законодательной властью. Прекращалась приватизация образовательных и медицинских учреждений, жилищного фонда предприятий; были предусмотрены преференции для рабочих коллективов и т.д. Иностранцы инвесторы в значительной степени были исключены из данного процесса. Всё это, по оценке П. Киркоу, не могло обеспечить необходимую правовую базу для тщательной институциональной реструктуризации и частных инвестиций [16, р. 86—112].

Другой рисунок трансформации исследователь выявляет относительно правящей элиты Приморского края. На волне общественного разочарования быстрыми системными реформами к власти пришли члены второго эшелона бывшей партийно-управленческой номенклатуры, имевшие при этом возможность опираться на значительный частный капитал. Их выдвигенец губернатор Е. Наздратенко (1993—2001) первоначально оценивался как «прогрессивный консерватор». Бывший директор дальневосточной горнодобывающей компании «Восток», по мнению исследователя, стал отличным примером того, как промышленные руководители в регионах вливались во власть, ища преимущества в сочетании государственной службы с частным бизнесом.

Автор приходит к выводу, что институциональная перестройка в Приморье пошла не в сторону разделения ветвей власти, а в сторону подчинения региональных законодательных и судебных органов, а также большинства краевых отделений федеральных институтов команде исполнительной власти, приведя к авторитарному режиму губернаторского управления. Центр был слишком слаб, чтобы сопротивляться этим событиям, в то время как некоторые национальные лидеры имели особый интерес в сохранении на периферии такого руководителя. В своих политических целях Наздратенко опирался на тесные частные связи с высшими должностными лицами в Москве, военную региональную элиту и преступные банды, беспощадно подавляя все оппозиционные силы, включая мэра Владивостока В. Черепкова и критически настроенные СМИ. Как и остальные регионы, Приморский край старался «выжать» из Центра льготные субсидии, кредиты и особый экономический статус, но от всех других его отличал особо напористый стиль и непримиримость авторитарного лидера. Команда Наздратенко подчинила себе проведение крупномасштабной приватизации в крае, что дало ей дополнительную возможность контролировать региональную экономику, уклоняться от уплаты налогов, расхищать государственные деньги [16, р. 113—140].

Одним из направлений сравнительного анализа регионов стало изучение монополистических и корпоративных структур, показавшее, что они «возникают из институциональной запутанности бывших государственных предприятий и производственных объединений при краевой администрации, что позволяет им контролировать большую долю

регионального рынка и навязывать цены» [15, р. 99]. Было выявлено, что финансово-промышленные группы (ФПГ) уже в первой половине 1990-х гг. имелись во всех регионах России. В Алтайском крае П. Киркоу обнаружил их растущее значение в сельском хозяйстве (Алтайсельмаш), производстве энергии (Алтайэнерго) и ВПК (Барнаултрансмаш). При этом организации-преемники оставались тесно связанными с краевой администрацией и отраслевыми министерствами, что обеспечивало им налоговые каникулы, льготные кредиты и субсидии [16, р. 100, 145].

На Дальнем Востоке центром внимания аналитиков стала Приморская акционерная корпорация товаропроизводителей (ПАКТ), которая была создана в 1993 г. и которую оценивали как наиболее агрессивную из всех региональных ФПГ в плане открытого политического влияния. П. Киркоу и А. Вакру показывают, что ПАКТ объединила 36 ведущих промышленных предприятий (учредителями стали 213 физических лиц) и была тесно переплетена с исполнительной и законодательной властью края. Именно из её рядов был выдвинут губернатор Е. Наздратенко, который, в свою очередь, назначил в администрацию других членов корпорации, а её первый генеральный директор И. Лебединец впоследствии вошёл в аппарат губернатора и стал председателем краевой Думы (1995). Как выразилась А. Вакру, «директорское лобби захватило администрацию Приморского края» [25, р. 41].

Авторы отмечают, что основатели ПАКТ стремились сделать её всеохватывающим конгломератом, нацеленным на контролирование основных сфер региональной экономики и защиту собственных интересов. И в этом приморские промышленники продвинулись дальше, чем в других регионах. Администрация Наздратенко помогала членам ПАКТ найти государственные или частные инвестиции и дёшево скупать лучшие предприятия. Руководители корпорации не только распределили между собой кредиты банков, но и получили огромные беспроцентные ссуды из краевого бюджета, фактически разворовывая его. Члены ПАКТ массово приобретали акции предприятий за половину рыночной цены путём манипулирования непубличными аукционами. Они также оказали решающее влияние на совместное решение краевой администрации и Совета народных депутатов о приостановке крупномасштабной приватизации в августе 1993 г., что обосновывалось необходимостью спасения местных «критических и социально значимых» предприятий от последствий банкротств. Этот шаг расценивается авторами как открытый вызов Центру в осуществлении реформы, по сути являвшийся агрессивным региональным протекционизмом, направленным на защиту местной экономики от притока капитала извне (подобные попытки имели место также в Новосибирске и Челябинске в апреле 1993 г.). И только давление федерального правительства и предпринимателей-аутсайдеров привело позже к отмене этого краевого решения. Летом 1994 г. ПАКТ разделилась на части, в дальнейшем её политическое и экономическое влияние ослабло в связи «с выходом на политическую сцену новых частных предприятий и преступного мира», в то время как авторитарный режим Наздратенко усиливался [25, р. 40—43; 16, с. 124—125].

В общем итоге П. Киркоу указывает, что, хотя у Приморского края в силу его благоприятного положения в качестве «шлюза» в АТР имелся потенциал стать пилотным проектом рыночной реформы, он не был реализован. Вместо тщательной институциональной реструктуризации и закрытия убыточных предприятий край требовал постоянных субсидий Центра, а вдоль границы возникли новые картели и конгломераты-монополисты.

Особый упрек адресован политике препятствия вхождению на региональный рынок иностранных инвесторов, постановке их под сильный инсайдерский контроль. Это явление, характерное для многих регионов, критиковалось западным академическим сообществом как несправедливое, неэффективное, расцениваясь в качестве государственного вмешательства, патернализма и протекционизма, в то время как теоретики всеобъемлющей рыночной реформы исходили из требования открытости компаний для конкуренции и возможности эффективного внешнего контроля [16, р. 144, 171]. М.И. Голдман отмечает: недоверие к иностранцам и стремление к всеобъемлющему государственному контролю исторически традиционно для России, что и проявилось в годы постсоветской трансформации. В качестве вопиющего примера он приводит случай с Э. Фоксом, почётным консулом Великобритании во Владивостоке и главой инвестиционного фонда «Tiger Securities», созданного специально для инвестирования в экономику Приморского края. В декабре 1999 г. губернатор Наздратенко под не прикрытой угрозой «отправки в тюрьму» потребовал, чтобы Фокс перепродал Дальневосточной торговой компании большую часть своих акций [1, с. 73].

Заключительный вывод исследования П. Киркоу сводится к тому, что Приморский и Алтайский края не являлись в чистом виде прототипами осуществления системных преобразований ни «сверху», ни «снизу», демонстрируя разные стратегии взаимодействия с Центром. Но, главное, они не двигались в сторону открытой экономики и демократической политической системы [16, р. 171—172]. К такому же заключению относительно разных регионов России к концу 1990-х гг. пришло большинство представителей западного научного сообщества, пытавшихся понять, «что же пошло не так?» [6].

В целом итоги изучения регионов России зарубежными учёными сводились к тому, что в 1990-е гг. по всей стране широко развивались патрон-клиентские отношения, корпоративизм, коррупция, авторитарный и популистский стиль губернаторского правления. Всё это, по словам Ф. Хэнсона, «тормозило прогресс реформ», особенно на уровне субъектов РФ, и значительно усиливало тот беспорядок, который царил в стране [2, с. 84]. По словам А. Вакру, «экономические акторы затмили политические партии и движения в региональной политике приватизации и, возможно, в политической жизни в целом... Агрессивные предприниматели и здравомыслящие бюрократы играют самую большую роль в формировании российского капитализма, ибо они, кажется, лучше всего ценят потенциальные выгоды» [25, р. 43].

К концу 1990-х гг. в западном научном сообществе произошла переоценка первоначальной стратегии российских реформ, которая, по мнению

большинства, оказалась провальной. Одной из главных причин стали называть стремление реформаторов быстро и бесповоротно разрушить существовавшие структуры государственного контроля прежде, чем смогли появиться новые рыночные институты и механизмы, что делало невозможным справедливое и эффективное перераспределение собственности [1; 5 и др.].

Воздавая должное значительному вкладу зарубежных учёных в развитие пореформенной регионалистики в России, нельзя не отметить, что в 1990-е гг. в центре их внимания находилась проблема отклонения российских реформ от западных стандартов. На первом месте у аналитиков стояли институты и механизмы власти, преобразование форм собственности. При этом слабо учитывались исторические особенности развития России, степень готовности населения к таким реформам, возможные альтернативные пути, а также масштабы жертв, на которые системная трансформация обрекала основную массу «обычных» людей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Голдман М.И. Пиратизация России: российские реформы идут вкось. Новосибирск: Фонд СПИ «Тренды», 2005. 213 с.
2. Хэнсон Ф. Влияние фактора регионального разнообразия на экономическую трансформацию России // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 78—87.
3. Шенин С.Ю. «Российский проект» Гарварда: от триумфа к позору // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8. Вып. 2. С. 27—33.
4. Alexandra M. Vacroux // Davis Center for Russian and Eurasian Studies. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/about-us/people/alexandra-vacroux> (дата обращения: 27.11.2019).
5. Andrews J., Stoner-Weiss K. Regionalism and Reform in Provincial Russia // Post-Soviet Affairs. 1995. No. 11 (4). P. 384—406.
6. Black B., Kraakman R., Tarassova A. Russian Privatization and Corporate Governance: What Went Wrong? // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52. P. 1731—1808.
7. Blasi J., Kroumova M., Kruse D., Panina D. Kremlin Capitalism: the Privatization of the Russian Economy. London: Cornell University Press, 1997. 249 p.
8. Boycko M., Shleifer A., Vishny R.W. Privatizing Russia // Brooking Papers on Economic Activity. 1993. No. 2. P. 139—192.
9. Bradshaw M.J., Hanson P. Understanding Regional Patterns of Economic Change in Russia: an Introduction // Communist Economies and Economic Transformation. 1998. Vol. 10. No. 3. P. 285—304.
10. Desai R.M., Goldberg I. The Politics of Russian Enterprise Reform: Insiders, Local Governments, and the Obstacles to Restructuring // The World Bank Research Observer. 2001. Vol. 16. No. 2. P. 219—240.
11. Federalism and Local Politics in Russia / ed. by C. Ross, A. Campbell. London; New-York: Routledge, 2009. 306 p.
12. Hahn J.W. Reforming Post-Soviet Russia: The Attitudes of Local Politicians // Local Power and Post-Soviet Politics / ed. by T.H. Friedgut and J.W. Hahn. New York; London: M.E. Sharpe, 1994. P. 208—238.
13. Hanson P. How Many Russias? Russia's Regions and their Adjustment to Economic Change // International Spectator. 1997. No. 31 (1). P. 39—52.

14. Hanson P., Bradshaw M. *Regional Economic Change in Russia*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2000. 298 p.
15. Kato S. Privatization in the Russian Far East. URL: <https://core.ac.uk/reader/59281099> (дата обращения: 23.09.2019).
16. Kirkow P. *Russia's Provinces: Authoritarian Transformation versus Local Autonomy?* London: Macmillan Press, 1998. 240 p.
17. *Local Power and Post-Soviet Politics* / ed. by T.H. Friedgut, J.W. Hahn. New York; London: M.E. Sharpe, 1994. 312 p.
18. Melvin N. The Consolidation of a New Regional Elite: The Case of Omsk 1987—1995 // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50. No. 4. P. 619—650.
19. Nelson L.D., Kuzes I.Y. Regional Variations in the Implementation of Russia's Federal District Reform // *Demokratizatsiya*. 2002. Vol. 10. No. 1. P. 5—18.
20. *Russia: Creating Private Enterprises and Efficient Markets (Studies of Economics in Transformation. No. 15)* / ed. by I.W. Liberman, J. Nellis. Washington: The World Bank, 1995. 255 p.
21. Slider D. Elections to Russia's Regional Assemblies // *Post-Soviet Affairs*. 1996. Vol. 12. Iss. 3. P. 243—263.
22. Stoner-Weiss K. *Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 227 p.
23. Thompson N. The Native Settler: Contesting Local Identities on Russia's Resource Frontier // *Polar Geography*. 2003. Vol. 27. No. 2. P. 136—158.
24. Treisman D.S. *After the Deluge. Regional Crises and Political Consolidation in Russia*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1999. 262 p.
25. Vacroux A. Privatization in the Region: Primorsky Krai // *Russia: Creating Private Enterprises and Efficient Markets (Studies of Economics in Transformation. No. 15)* / ed. by I.W. Liberman, J. Nellis. Washington: The World Bank, 1995. P. 35—44.
26. Voorhees J. Russian Federalism and Reform. The Declining Effectiveness of the Russian Central State? // *Demokratizatsiya*. 2002. No. 4. P. 549—564.
27. Young J.F. Institutions, Elites and Local Politics in Russia: The Case of Omsk // *Local Power and Post-Soviet Politics* / ed. by T.H. Friedgut, J.W. Hahn. New York; London: M.E. Sharpe, 1994. P. 138—161.

REFERENCES

1. Goldman M.I. *Piratizatsiya Rossii: rossiyskie reformy idut vkos'* [Privatization of Russia: Russian Reforms Slant]. Novosibirsk, Fond SPI "Trendy" Publ., 2005, 213 p. (In Russ.)
2. Hanson F. Vliyanie faktora regional'nogo raznoobraziya na ekonomicheskuyu transformatsiyu Rossii [Influence of the Factor of Regional Diversity on the Economic Transformation of Russia]. *Problemy prognozirovaniya*, 2001, no. 3, pp. 78—87. (In Russ.)
3. Shenin S.Yu. "Rossiyskiy proekt" Garvarda: ot triumfa k pozoru ["The Russian Project" by Harvard: From Triumph to Shame]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, series Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya, 2008, vol. 8, iss. 2, pp. 27—33. (In Russ.)
4. Alexandra M. Vacroux. *Davis Center for Russian and Eurasian Studies*. Available at: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/about-us/people/alexandra-vacroux> (accessed: 27.11.2019) (In Eng.)
5. Andrews J., Stoner-Weiss K. Regionalism and Reform in Provincial Russia. *Post-Soviet Affairs*, 1995, no. 11 (4), pp. 384—406. (In Eng.)
6. Black B., Kraakman R., Tarassova A. Russian Privatization and Corporate Governance: What Went Wrong? *Stanford Law Review*, 2000, vol. 52, pp. 1731—1808. (In Eng.)

7. Blasi J., Kroumova M., Kruse D., Panina D. *Kremlin Capitalism: the Privatization of the Russian Economy*. London, Cornell University Press Publ., 1997, 249 p. (In Eng.)
8. Boycko M., Shleifer A., Vishny R.W. Privatizing Russia. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1993, no. 2, pp. 139–192. (In Eng.)
9. Bradshaw M.J., Hanson P. Understanding Regional Patterns of Economic Change in Russia: an Introduction. *Communist Economies and Economic Transformation*, 1998, vol. 10, no. 3, pp. 285–304. (In Eng.)
10. Desai R.M., Goldberg I. The Politics of Russian Enterprise Reform: Insiders, Local Governments, and the Obstacles to Restructuring. *The World Bank Research Observer*, 2001, vol. 16, no. 2, pp. 219–240. (In Eng.)
11. *Federalism and Local Politics in Russia*. Ed. by C. Ross, A. Campbell. London, New York, Routledge Publ., 2009, 306 p. (In Eng.)
12. Hahn J.W. Reforming Post-Soviet Russia: The Attitudes of Local Politicians. *Local Power and Post-Soviet Politics*. Ed. by T.H. Friedgut and J.W. Hahn. New York, London, M.E. Sharpe Publ., 1994, pp. 208–238. (In Eng.)
13. Hanson P. How Many Russias? Russia's Regions and their Adjustment to Economic Change. *International Spectator*, 1997, no. 31 (1), pp. 39–52. (In Eng.)
14. Hanson P., Bradshaw M. *Regional Economic Change in Russia*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publ., 2000, 298 p. (In Eng.)
15. Kato S. *Privatization in the Russian Far East*. Available at: <https://core.ac.uk/reader/59281099> (accessed 23.09.2019). (In Eng.)
16. Kirkow P. *Russia's Provinces: Authoritarian Transformation versus Local Autonomy?* London, Macmillan Press Publ., 1998, 240 p. (In Eng.)
17. *Local Power and Post-Soviet Politics*. Ed. by T.H. Friedgut, J.W. Hahn. New York, London, M.E. Sharpe Publ., 1994, 312 p. (In Eng.)
18. Melvin N. The Consolidation of a New Regional Elite: The Case of Omsk 1987–1995. *Europe-Asia Studies*, 1998, vol. 50, no. 4, pp. 619–650. (In Eng.)
19. Nelson L.D., Kuzes I.Y. Regional Variations in the Implementation of Russia's Federal District Reform. *Demokratizatsiya*, 2002, vol. 10, no. 1, pp. 5–18. (In Eng.)
20. *Russia: Creating Private Enterprises and Efficient Markets* (Studies of Economics in Transformation. No. 15). Ed. by I.W. Liberman, J. Nellis. Washington, The World Bank Publ., 1995, 255 p. (In Eng.)
21. Slider D. Elections to Russia's Regional Assemblies. *Post-Soviet Affairs*, 1996, vol. 12, iss. 3, pp. 243–263. (In Eng.)
22. Stoner-Weiss K. *Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1997, 227 p. (In Eng.)
23. Thompson N. The Native Settler: Contesting Local Identities on Russia's Resource Frontier. *Polar Geography*, 2003, vol. 27, no. 2, pp. 136–158. (In Eng.)
24. Treisman D.S. *After the Deluge. Regional Crises and Political Consolidation in Russia*. Ann Arbor, The University of Michigan Press Publ., 1999, 262 p. (In Eng.)
25. Vacroux A. Privatization in the Region: Primorsky Krai. *Russia: Creating Private Enterprises and Efficient Markets* (Studies of Economics in Transformation. No. 15). Ed. by I.W. Liberman, J. Nellis. Washington, The World Bank Publ., 1995, pp. 35–44. (In Eng.)
26. Voorhees J. Russian Federalism and Reform. The Declining Effectiveness of the Russian Central State? *Demokratizatsiya*, 2002, no. 4, pp. 549–564. (In Eng.)
27. Young J.F. Institutions, Elites and Local Politics in Russia: The Case of Omsk. *Local Power and Post-Soviet Politics*. Ed. by T.H. Friedgut, J.W. Hahn. New York, London, M.E. Sharpe Publ., 1994, pp. 138–161. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 11.12.2019